

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Композиционно-стилистические принципы построения стихотворений Геннадия Айги в оценке литературоведов и критиков

Уварова Вероника Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Кафедра литературно-художественной критики и публицистики, Москва, Россия

E-mail: nika.uvarova.01@bk.ru

Геннадий Айги — чувашский и русский поэт, который является продолжателем русских авангардных традиций. Ученые Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий относят его творчество к течению неофутуризма в советской андерграундной литературе 60-х гг [Липовецкий, 2003, с. 387]. При этом многие исследователи указывают и на обращение Айги к поэтике символизма и сюрреализма. Произведения чувашского поэта, таким образом, далеки от классических как в плане содержания, так и в плане формы. На необычные синтаксически-интонационные решения указывает ряд литературоведов и критиков: Е.Е. Даенин, Вл. Новиков, И. Кутик и др. Цель нашего доклада — проанализировать то, как композиционно-стилистические принципы построения стихотворений «работают» на передачу смысла в творчестве Айги.

Для произведений поэта характерна определенная тематика. Он вдохновляется состоянием между сном и явью, зимой, спокойствием природы. Передать ощущение того, как будто все образы в художественном мире стихотворений замерли, застыли во времени, помогает практически полное отсутствие знаков препинания (Айги игнорирует запятые и точки, чаще всего используя тире и лишь изредка восклицательные знаки), которое ведет к графической необозначенности синтаксических конструкций: «*чиста проста//глубо'ко и почти без места// и тих и незаметен//светлы и широки//сплю весь//и — сейчас//мерцать замешиваться взорами//и сеется//и суть*» («Снег в саду») [1]. Это приводит к деконструкции видимых иерархических связей в предложении. Стихотворения, таким образом, представляют собой плавный монолог лирического субъекта о состоянии художественного мира без остановок внутри строф и с ослаблением логических ударений на концах фраз в связи с отсутствием рифм. Границы смыслов становятся размытыми из-за того, что при чтении неочевидно, с какими словами связаны сравнительные обороты, части сложных предложений. Именно поэтому в произведениях Айги названные образы порождают цепочки ассоциаций, которые крепко переплетаются, даже срачиваются между собой. Описанный нами эффект коррелирует с содержанием высказывания самого поэта: «... Слово — становится той заветной сферой, сферой слияния человека с природой, с мирозданием» [2, 1988, с. 21].

Описывая состояния природы и положение человека в ней, Айги использует антитезы: темпоральные (сейчас/когда-то), пространственные (здесь/там), цветовые (белое/черное). Цепочки образов в его произведениях часто связываются при помощи синтаксических параллелизмов. Автор нередко размыкает их, используя парантезы, которые похожи на ремарки в драматических произведениях: «из грусти//что много —//(далёко//в тумане) —//жемчужиной той что лишь только понятие —//самая грусть» [1].

Стихотворения Айги часто короткие, иногда однострочные. Их со всех сторон обрамляет белая бумага. Поэтика тишины и пустоты — одна из главных особенностей творчества поэта. Айги как будто создает мир из ничего, с нуля, заново называя знакомые всем предметы. Об этом, в частности, пишет Вл. Новиков: «... спасителен свежий стих Айги,

неизменно показывающими на счетчике вторичности и пародийности: 0,00000...» [4, 1997, с. 214].

Для стихотворений этого автора также характерна следующая особенность: он указывает на образы, на существование явлений, но не пытается познать их природу логическими методами. Это ярко проявляется в случаях изображения появления Бога в описываемом пространстве. И. Кутик называет Айги «апофатиком» и «катафатиком» одновременно. С одной стороны, поэт не пытается описать Бога, используя привычные для читателей положительные определения. С другой — создает уникальные сложносоставные названия, которые необходимо расшифровывать: «... Бог есть **присутствие-в-отсутствии**, а *это* для Айги не только повод для языковых конструкций, констатирующих, между прочим, как раз Его *присутствие*, но - прежде всего - экзистенциальная (личная) шарада» [3]. Примерами таких «названий-слов» являются «бога-костер», «бого-голос», «Зарево-Душа».

Таким образом, в докладе проанализированы композиционные, синтаксические и стилистические особенности творчества Айги и даны их оценки со стороны литературоведов и критиков.

Источники и литература

- 1) Айги Г. Теперь всегда снега: <http://www.vavilon.ru/texts/aigi6-1.html#1>.
- 2) Даенин Е. Е. «Слово надо выстрадать» (о поэзии Геннадия Айги) // В мире книг. М. 1988. № 3. С. 20-22.
- 3) Кутик И. «Айги-Ареопагит: Опыт „аналитической“ аппроксимации»: <https://postnonfiction.org/descriptions/ajgi/>
- 4) Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 — 1990-е гг.; пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 1968. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
- 5) Новиков Вл. Заскок: эссе, пародии, размышления критика // Книжный сад. М. 1997. 416 с.